

Е.С. Фидря

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ КАПИТАЛ КАК ВНЕСОЦИАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье предпринимается концептуальная попытка разработки понятия «трансцендентного капитала» для объяснения социальных феноменов, связанных с организацией трансцендентной неопределенности. В качестве методологической базы привлекаются теории конвенций и поля, а также концепции множественных форм капитала и объектной социальности. Предлагается описание свойств, состояний, агентов и форм проявления трансцендентного капитала в социальной жизни, а также характеристик соответствующего ему «божественного мира» и способов его согласования с другими порядками обоснования ценности. В заключение делаются выводы о роли трансцендентного капитала в управлении неконтролируемой и непредсказуемой неопределенностью, его укорененности в социальных отношениях, намечаются перспективы применения концепции в исследовании различных социальных явлений.

Ключевые слова: трансцендентный капитал, божественный мир, вне-социальное отношение.

Keywords: transcendent capital, divine world, extra-social relation.

Данная работа посвящена поиску устройства*, организующего социальные взаимодействия в сфере трансцендентной по своей природе неопреде-

---

* Термин «устройство» (dispositif) введен в научный оборот М. Фуко и первоначально обозначал систему отношений между элементами (дискурсами, институтами, законами, архитектурными формами, научными, моральными и философскими утверждениями и т.п.), основанную на характерном комплексе «власти-знания» и задающую стратегические ориентиры целеполагания. Джорджио Агамбен определил его как «нечто, способное фиксировать, ориентировать, определять, препятствовать, моделировать, контролировать или укреплять жесты, поведение, мнения или дискурсы живых существ». Л. Болтански и Л. Тевено также применяют данный термин, противопоставляя его диспозициям (disposition) П. Бурдьё: в отличие от последних, которые являются индивидуальными предрасположенностями восприятия, оценивания и действий, устройства представляют собой скорее структуры ситуации, расстановку ее элементов, определенный порядок отношений между ними, в рамках которых

ленности. Ни в коем случае не поддаваясь моде «изобретать» новые формы капиталов, мы предполагаем, что в теоретическом объяснении социальных отношений в сфере религии, мистики, азартных игр и т.п. отсутствует некое связующее звено, устройство, оформляющее взаимоотношения между участниками данных сфер жизни. По нашему мнению, на эту роль подходит понятие «трансцендентного капитала», описанию которого посвящена данная статья. Далее мы попытаемся рассмотреть его свойства, состояния, агентов и формы проявления в социальной жизни, а также характеристики соответствующего «мира». Для решения данного вопроса мы воспользуемся достижениями теории конвенций (Л. Болтански, Л. Тевено), концепции множественных форм капиталов (П. Бурдьё, Дж. Коулмен, Г. Беккер, В.В. Радаев), теории поля (П. Бурдьё), концепции объектной социальности (К. Кнорр-Цетина).

Капитал, логика, мир

Основная методологическая посылка состоит в том, что те или иные устройства содержат в себе соответствующие логики. Их социальная роль и значимость заключается в управлении разными видами неопределенности, для чего они вовлекают, подчиняют собственной логике и структурируют различные элементы реальности, организовывая их в систему отношений. Основной формой вовлечения элементов реальности в систему социальных отношений устройства, на наш взгляд, является капитал.

Общепринятое экономсоциологическое определение капитала описывает его как «накапливаемый хозяйственный ресурс, включенный в процесс воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих форм» (Радаев 2003). Для вовлечения в отношения стоимости ресурс как источник разнородных благ должен быть наделен ценностью, то есть подвергнуться процедуре оценивания в рамках той или иной логики. В ходе такой процедуры объект, субъект или любой другой элемент реальности наделяется свойством в разной степени воздействовать на реальность в рамках логики, задаваемой устройством, а также приобретает свойство конвертируемости (то есть может быть при соответствующих условиях переведен в рамки другой логики).

В наиболее, на наш взгляд, удачной на сегодняшний день классификации, выделяется восемь форм капиталов (социальный, культурный, экономиче-

---

актуализируются множественные предрасположенности. М. Каллон вводит понятие «социотехнического устройства» (*dispositif sociotechnique*), обозначающее совокупность взаимосвязанных и организованных в целях структурирования одной деятельности элементов (людей, материальных объектов, коммуникационных средств). В целом же, несмотря на общепризнанные трудности перевода с французского и интерпретации термина «*dispositif*», можно выделить ряд общих черт в различных трактовках. Очевидно, речь идет о системе, которая в силу некоей имманентной ей логики целеполагания и оценивания объединяет в себе динамическую совокупность разнородных элементов, вовлекая, структурируя их и производя с их помощью действие.

ский, человеческий, административный, политический, символический и физиологический). Однако в российской социологической литературе появилась тенденция употреблять для удобства термин «капитал» в отрыве от вышеупомянутого значения (зачастую просто обозначая с его помощью объем ресурсов той или иной социальной группы), вследствие чего термин обесмысливается, понятие теряет свою объяснительную ценность. На наш взгляд, определенность нужно внести посредством двух концептуальных уточнений.

Прежде всего, мы полагаем, что за каждым из капиталов стоит логика определенного устройства, задающая принципы оценивания, квалификации объектов и субъектов, определяющая его свойства. Эта логика задает внутренние закономерности устройства и отношений в нем, определяет стратегические цели, а также специфические критерии оценивания. Именно она — квинтэссенция специфики устройства, она структурирует практики, воплощается во взаимосвязи субъектов и объектов. Во-вторых, мы считаем, что логика каждого капитала коренится в неопределенности того специфического вида, которой данный капитал позволяет управлять. Мы ведем речь о неопределенности сильного типа (*strong uncertainty*), которая подразумевает нехватку фактов, неочевидность, неясность, вплоть до полного отсутствия информации (Dequech 2003). Устройства привносят в эту неопределенность логику, подчиняют ее неким закономерностям — то есть организуют вокруг определенных благ, преобразуют в форму просчитываемого риска.

На основании каждой логики образуются соответствующие «миры» (Болтански, Тевено 2000), каждый из миров создается для совладания со специфическим видом неопределенности. Указанные миры представляют собой систему субъектов (представителей), объектов (вещей), ситуаций, объединенных в отношении к общему принципу и обладающих специфическими характеристиками формата времени, пространства, типа информации и действия, зависящими от лежащего в основе блага.

Таким образом, капитал — это форма вовлечения объектов реальности в логику, в результате чего происходит их оформление как частей социальной реальности, наделенных смыслами, ценностью, подчиненных правилам. Миры же представляют собой систему отношений между вовлеченными объектами в рамках соответствующих устройств. Тем не менее, мы далеки от того, чтобы ставить знак тождества между теорией конвенций Л. Болтански и Л. Тевено и социальным конструктивизмом П. Бурдьё. Последний подход рассматривает логику восприятия и оценивания в индивидуализированном и инвариантном ключе (в форме габитуса), а капиталы — как в большой степени индивидуальный ресурс, хотя социально признанный и институционализированный, в то время как мы считаем логику свойствами соответствующих устройств и ситуаций их координации в актуальных социальных полях. Именно логики устройств задают принципы восприятия и оценивания, инкорпорируемые в индивидуальный габитус, именно они определяют свойства капитала, именно они определяют позиции в социальных полях. В то же время, на наш взгляд, концепция П. Бурдьё позволяет наилучшим

образом описать свойства и характеристики капитала. Таким образом, капитал как форма вовлечения в логику устройства и конвертации в другие логики и мир как система отношений между вовлеченными элементами могут быть рассмотрены вместе благодаря понятиям устройства и его логики. Дадим краткий обзор соответствующих, на наш взгляд, друг другу капиталов и миров.

Социальный капитал и «домашний» мир позволяют справиться с неопределенностью социальных отношений, непредсказуемостью человеческого поведения, рисков межличностных отношений. Формируя отношения доверия на основе узнавания, «социально-домашний» мир позволяет нивелировать эту неопределенность.

Экономический капитал и «рыночный» мир позволяют регулировать неопределенность в обеспеченности ограниченными материальными и нематериальными ресурсами, необходимыми для жизнедеятельности социальных субъектов.

Культурный капитал позволяет справиться с неопределенностью логик окружающей реальности. Эти логики могут воплощаться в действиях и внутренних процессах объектов и субъектов, окружающих актора. В случае социального окружения речь идет о принятых нормах, разделяемых ценностях, чаяниях и потребностях социального окружения, успешных стратегиях и «правильных» действиях. Точно так же эта логика может быть распространена на любые области реальности — физическую, биологическую, техническую, рыночную и т.д.

Человеческий капитал и «индустриальный» мир позволяют справляться с неопределенностью способности воспроизводить устойчивые навыки воздействия на объекты реальности. Здесь также речь может идти о материальных или идеальных объектах, как социальной, так и несоциальной природы — главное, что воздействие на них производится по принципу «субъект-объект».

Физиологический капитал позволяет управлять неопределенностью относительно физических возможностей, биологической активности человека и реализации его физиологических потребностей. Этот капитал находит свое применение в сфере спорта, репродуктивного поведения, оказывает воздействие на сексуальную привлекательность.

Символический капитал и «мир известности» дают возможность идентифицировать «авторитетные» субъекты, снизить неопределенность относительно «значимых» людей и значимых объектов. Для обладателя символического капитала мир становится гораздо более определенным, поскольку он наделяется правом производить мнения, быть признанным и признанным независимо от личной степени доверия (однако он становится зависимым от степени известности). В отличие от культурного капитала, по своей сути «адаптивного», символический капитал перформативен — его обладатель получает право на преобразование социальной реальности (а через это — и других сфер реальности). Общество, со своей стороны, воплощает маркеры успешности и авторитетности в обладателях символического капитала,

организуя и облегчая узнавание «интерпретаторов» реальности и агентов социализации.

Политический капитал и «*гражданский мир*» действуют на неопределенность коллективных интересов и воли, неопределенность отношений коллективных субъектов, мобилизуя коллективные действия, выражая коллективные интересы, «субъективируя» коллективы в конкретных выразителях, обеспечивая коллективную саморефлексию и идентификацию.

Административный капитал предоставляет возможность снизить неопределенность распределения ценных ресурсов и производства надлежащих действий. Общество наделяет им субъекта для того, чтобы организовать эффективное распределение ценных ресурсов и санкционировать требуемые виды деятельности, индивиды же стремятся к обладанию им для того, чтобы получить власть над ресурсами (и гарантировать себе доступ к наиболее важным из них) и заинтересованными субъектами, а также получить гарантированные санкции на осуществление определенной деятельности. Административный капитал ограждает от вероятности не получить в будущем ценные и постоянно необходимые ресурсы или не иметь возможности осуществить необходимые действия.

В различных сферах социальной жизни присутствуют в разных пропорциях элементы практически всех логик, поскольку неопределенность различного вида свойственна всем сферам общественной жизни. Таким образом, капиталы и стоящие за ними логики позволяют организовать и сами эти сферы, и взаимодействия в них, превращая эти сферы в бурдьевские «поля» (Бурдье 2001a), где за капиталы и при помощи них социальными субъектами ведется борьба. В этих «полях» регулируется производство и распределение капиталов — социально признанных ресурсов, вовлеченных в сферу хозяйственных отношений — которые воплощают в себе определенную ценностную логику, определенный порядок оценивания. Каждый капитал является формой социально признанного превращения объектов, свойств и идей в ресурс, имеет определенные характеристики, свойства и способы вовлеченности в социальные отношения. Вовлеченность множественных форм капиталов образует определенные поля и институты, организующие способы производства, воспроизводства, передачи, присвоения и конвертации капиталов. На наш взгляд, капиталом, организующим социальные отношения со сверхъестественным, непостижимым внесоциальным, является трансцендентный капитал.

Трансцендентный капитал и его внесоциальная природа

Трансцендентным называется то, что выходит за пределы возможного опыта, коренится в том числе и вне социальной жизни. Таким образом, *трансцендентный капитал* и соответствующий ему «*божественный мир*» имеют дело с критической неопределенностью человеческой экзистенции, ограниченностью человеческой жизни и телеологической неопределенностью. Он позволяет справляться с необъяснимой и непредсказуемой неопределенностью, природа которой неясна, объясняя ее, осмысливая и наделяя

логикой. Данный вид неопределенности присущ в разной степени всем социальным полям, поэтому трансцендентный капитал интенсивно конвертируется в прочие формы капитала.

Отношения с трансцендентным позволяют актору управлять неопределенностью, не поддающейся непосредственному контролю путем социальных действий и взаимодействий с «посюсторонними» актерами. Когда имеющиеся в его распоряжении ресурсы не позволяют ему решить актуальные проблемы, действия в рамках социальной игры теряют смысл и актер прибегает к помощи за пределами поля. Поэтому трансцендентный капитал предстает перед нами как «постсоциальное отношение», если определять его в терминах К. Кнорр-Цетины. Это не означает, что он не участвует в социальной жизни: наоборот, как и любой другой «капитал», он является таковым, лишь будучи активно вовлечен в различные хозяйственные и символические, социальные и культурные отношения, конвертируясь в прочие, гораздо более «земные» формы капиталов. Это не означает также, что трансцендентный капитал — явление позднего времени, стоящее в одной временной нише с постиндустриализмом и постмодернизмом. Здесь, скорее, был бы уместен термин «внесоциальное отношение» (или, еще точнее — «вне-социальное»). Тесно связанное с понятием постсоциального отношения понятие объектной социальности довольно точно, на наш взгляд, отражает саму суть любой формы отношений, один из участников которых не принадлежит к социальному миру.

Постсоциальное отношение в целом определяется как разрушение сообщества и традиции, а также свертывание социальных принципов (Кнорр-Цетина 2002: 105). На примере понятия «объектуализации» это означает, что «объекты могут рассматриваться как средства преодоления рисков, содержащихся в человеческих отношениях» и даже «замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них» (Там же: 102), что приводит к необходимости признать объекты в качестве «источников самоидентификации, реляционной интимности, разделяемой субъективности и социальной интеграции» (Там же: 109). Не вдаваясь в дискуссии о растущей индивидуализации и «конце общества», мы хотим сказать, что логика «объектной социальности» применима не только к объектам, но и к идеям, и выражается в своего рода «идеализации» определенных связей субъекта. Причем данное явление характерно для всей социальной истории в целом и не утратило своей актуальности и в современном обществе, поскольку по самой своей природе глубоко социально.

Как внесоциальное отношение трансцендентный капитал существует благодаря воображаемой связи социального субъекта и внесоциальной идеальной сущности. В роли субъекта могут выступать как индивиды, так и социальные группы, в роли идеальной сущности — любой символический образ, символическая конструкция или же система практических принципов, непосредственное общение с которой представляется актору невозможным, наделяемая актором определенной логикой, которая очерчивает круг

ценностей данной идеальной сущности и на их основе задает образцы допустимых и недопустимых действий. Выполняя «желательные» для идеальной сущности действия и удовлетворяя, таким образом, ее «желания», актер и накапливает в отношениях с ней свой капитал, который заключается в том, что идеальная сущность будет способствовать актеру в удовлетворении каких-то значимых для него желаний. Трансцендентный капитал, таким образом, функционирует аналогично социальному капиталу*. Фундамент таких отношений строится на принципиальной невозможности обоих участников существовать в «противоположном» мире в сочетании с их заинтересованностью в определенном состоянии этого недостижимого мира. Каждый из них становится своего рода посредником, инструментом проведения воли и желаний другого**.

Социальная укорененность трансцендентного капитала

Любой капитал, будучи вовлечен в социальные отношения, может характеризоваться при помощи ряда параметров: участвующих сторон, образуемой им стратификационной системой, состояниями, способами измерения и передачи и т.п. Рассмотрим их ниже.

Участниками отношений производства, воспроизводства и распределения трансцендентного капитала являются, с одной стороны, идеальные сущности (например, Бог, вселенский разум, судьба, фортуна, обобщенная Природа, Логос и т.п.), наделяющие трансцендентным капиталом или лишаящие его, а с другой стороны — социальные субъекты (индивидуальные или групповые), обладающие им и конвертирующие его (либо, наоборот, отмеченные печатью трансцендентного проклятия). К групповым субъектам могут относиться отмеченные народы, социальные группы (например, священнослужители), а к индивидуальным — пророки, маги, медиумы, колдуны, гении, удачливые люди и т.п.

Как и любой другой, трансцендентный капитал генерирует и свою *стратификационную систему*, производящую структурированное разделение социальных элементов в зависимости от имманентной логики капитала и обладания им. Эта система воплощается, например, в таких фундаментальных оппозициях, как разделение субъектов на «везучих» и «невезучих», «одаренных» и «посредственных», «спасенных праведников» и «обреченных греш-

---

* Напомним, что П. Бурдьё определяет социальный капитал как «...Совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» (Бурдьё 2004: 528). В свою очередь, Дж. Коулман называет социальным капиталом совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций (Коулман 2001).

** Приведем пример аналогичного утверждения в отношении объектных связей: «В данном случае социальность представляет собой явление, когда субъект принимает “желания” объекта — как собственную структуру желания, когда субъект определяется через объект» (Кнорр Цетина 2002: 116–117).

ников» и т.п. Кроме того, существуют специальным образом отмеченные субъекты (своего рода посредники), которых участники трансцендентных отношений обязаны поддерживать, снабжая прочими формами капитала и получая взамен трансцендентную благодать (нищие, юродивые и т.п.), одни из них являются обладателями капитала сами по себе, а другие — лишены его по воле трансцендентной сущности, именно в силу чего на окружающих и наложены обязательства по их поддержке.

Как капитал трансцендентное отношение может выступать в трех состояниях: инкорпорированном, объективированном и институционализированном (Бурдые 2004). Инкорпорированное состояние подразумевает совокупность относительно устойчиво воспроизводимых диспозиций и демонстрируемых способностей обладателя капитала. В объективированном состоянии капитал принимает овеществленные формы, доступные непосредственному наблюдению и передаче в материальной форме. Институционализированное состояние воплощается в объективированных формах признания капитала как ресурса.

В силу своей двойственности и относительно слабой укорененности в социальном мире, трансцендентный капитал легко инкорпорирован и крайне слабо поддается отчуждению и объективации. В инкорпорированном состоянии он существует в виде способности формировать у «внешней стороны» обязательства по отношению к определенному социальному актору (не обязательно к самому себе — например, в случае молитвы о других). Эта способность приобретает ценность благодаря принадлежности идеальной сущности к внесоциальному миру, расположенному на более высоком уровне и поэтому не подчиняющемся напрямую привычному, доступному миру. С другой стороны, такое привилегированное положение потустороннего мира предоставляет ему контроль над доступной человеку реальностью и дает возможность произвольного вмешательства в ее дела. Таким образом, в зависимости от направления инвестиций трансцендентного капитала — в «обычный» или потусторонний мир — он может конвертироваться в конструирование или изменение позиции актора в одном из этих миров.

В тех случаях, когда трансцендентный капитал можно объективировать, он воплощается в предметах, способных дать актору власть над потусторонней силой, возможность прибегнуть к ее услугам — иными словами, в вещах, принадлежащих человеческому, материальному миру и способных влиять на этот мир. Такими вещами могут служить, например, предметы или даже живые существа, приносящие удачу, различные культовые предметы в религиозных институтах и т.п. Существует также особая категория предметов, в которых инкорпорировано влияние обладателя трансцендентного капитала на потусторонний мир, однако чаще всего простое обладание ими не дает возможности манипулировать трансцендентным миром напрямую, предполагая наличие не только особой компетенции, но и признания личности со стороны идеальной сущности — то есть наличия инкорпорированного капитала.

Институционализированное состояние трансцендентного капитала выражается в культурно закрепленных признаках взаимодействия с потусторонней реальностью, когда существуют признанные показатели того, что актер обладает возможностью привлечь на свою сторону трансцендентный мир. Двойственная укорененность трансцендентного капитала проявляется и здесь, разделяя институты, имеющие направленность на инвестирование капитала в потустороннем мире (например, святость и последующая канонизация), и институты, имеющие практическое значение и позволяющие воздействовать на реальный мир (здесь нужно упомянуть институт гения во всех его проявлениях, а также институт магии, удачи и др.).

Как уже говорилось, одним из важнейших свойств капиталов является их взаимная конвертируемость (см. табл. 1). Трансцендентный капитал может быть конвертирован в любые формы — как «идеальные», так и «материальные». В случае с первыми речь идет о приобретении способности распознавания смыслов реальности (культурный), производства и толкования символов (символический), создания добровольных взаимных обязательств (социальный), харизматического выражения коллективности (политический). Что касается последних, то конвертация обозначает здесь получение средств жизнеобеспечения, неотчуждаемой собственности и прибыли (экономический), возможностей преобразования объективной реальности (человеческий), регулятивного права (административный) и широких физических возможностей (физиологический).

Так как институционализация капитала предполагает признание его в качестве ресурса, наиболее выраженные формы приобретают институты трансцендентного капитала, которые оказывают влияние на «человеческий»

Таблица 1

**Частные случаи конвертации трансцендентного капитала
в прочие формы***

Экономический	Удача в делах, азартных играх, богатый урожай
Политический	Выражение общего религиозного чувства
Физиологический	Чудесное выздоровление, необъяснимый прилив сил
Культурный	Гениальность, озарение
Символический	Статус толкователя сверхъестественной воли
Административный	Божественное право управлять и наделять
Социальный	Судьбоносные встречи и знакомства
Человеческий	Божий дар и помощь в ремесле

* В фигуре монарха, например, соединяются минимум три потока конвертации трансцендентного капитала: его превращение в символический (право говорить, издавать законы, быть высшим судом, проводником божественного мнения), административный (данное свыше право распределять привилегии, ресурсы и наделять людей правами и обязанностями) и политический (быть выразителем общего религиозного и патриотического чувства, нередко сливающихся воедино).

мир. В частности, ярким случаем института конвертации трансцендентного капитала в символический являются отношения, названные П. Бурдьё религиозным капиталом, функционирующим в религиозном поле в качестве «долговременного изменения представлений и практик мирян путем внушения им религиозного габитуса как порождающего принципа любых мыслей, восприятий и действий, согласующихся с религиозным представлением о естественном и сверхъестественном мире» (Бурдьё 2007: 41).

Что касается обратной конвертации, то к элементам любого мира в результате процедуры оценки может быть применена логика трансцендентного, в результате чего происходит инкорпорирование трансцендентного капитала и переход элемента в специфическую систему координат божественного мира. Распределение «по божьим законам» или жертвенное уничтожение материальных ресурсов (административный и экономический), использование власти или авторитета для наставления (политический), пророчество (символический), следование призванию (человеческий), открывание закона божественной гармонии в мире или искусстве (культурный), усмирение плоти (физиологический) или отшельничество (социальный) — все это конвертация множественных форм капитала в трансцендентный.

Так или иначе, трансцендентный капитал — это точка входа в социальное и выхода из него. Будучи создан на границе социального и трансцендентного мира, он способен обеспечить путем своей конвертации в другие формы капитала обширные ресурсные возможности и открыть актору путь в социальную игру с высокими ставками. С другой стороны, мирские формы капитала, конвертированные в трансцендентный, позволяют «выйти» из социального, сломать код соперничества относительных социальных позиций. Конвертация «мирских» форм капитала — это всегда в той или иной степени трансгрессивный опыт, независимо от того, имеет ли он промежуточный или окончательный характер*.

Способом передачи трансцендентного капитала является произвольное наделение им социального субъекта или материального объекта со стороны высшей силы.

Динамика обладания и направление инвестиций. Следует заметить, что в формировании и накоплении трансцендентного капитала важную роль играют отношения первичности: например, социальный субъект может быть наделен таким капиталом «от рождения», по инициативе идеальной сущности, — быть одаренным неким талантом, способностью — иными словами, социально значимыми возможностями — или же лишен их. Тогда его последующие действия могут восприниматься через призму этого первого шага и накладывать на него определенные обязательства: он может «зарыть в зем-

---

* Подлинный слом кода социальной игры достигается, конечно, путем прекращения дальнейшей мирской конвертации. В случае если, например, максимально доступный актору экономический капитал конвертирован в трансцендентный, а последний затем конвертируется в символический, окончательной трансгрессии не происходит — актер возвращается в социальную игру с другого входа.

лю» свой талант, что будет расценено как напрасное разбазаривание ценного капитала (и лишиться его по велению трансцендентной сущности), может «на благо человечества» реализовывать его, может, наперекор несправедливому первоначальному решению потустороннего актора, действуя по его логике и в его интересах, мужественно накапливать трансцендентный капитал «с нуля».

В идеальном мире накопленный капитал может быть инвестирован в занятие определенной символической позиции (например, праведника), в социальном мире он может быть конвертирован в другие формы — например, в экономический капитал. В данном случае участие потусторонней силы предполагается в ситуациях с неопределенным исходом для актора. Здесь трансцендентный капитал выступает в качестве способности актора добиваться наиболее благоприятного и наименее вероятного (при том признанном объеме ресурсов, которыми он обладает в социальном мире) для себя исхода — например, везение в азартных играх, чудесное спасение из экстремальной ситуации или удачное вложение в рискованное предприятие.

Направление инвестиций трансцендентного капитала субъектом также является немаловажным фактором общественной оценки его действий. В зависимости от того, инвестируется ли капитал в социально значимые ценности или аккумулируется «с прицелом» на потусторонний мир, сам «инвестор» будет получать совершенно различные социальные оценки. В крайних случаях, когда субъект готов конвертировать в трансцендентный капитал большую часть других, «мирских» капиталов (если не все) — жертвуя и экономическим, и социальным (в виде семейных и дружеских связей), и физиологическим, и символическим (в виде права на производство социально признанных мнений и суждений), — он может подвергаться самому суровому социальному порицанию и исключению, обретая символическую позицию «безумца», «фаната своего дела», «одержимого» и т.п.

Способом измерения является соотношение между признанным доступным объемом других форм капитала и реально достигнутых позиций (для достижения которых также существует предписанный капитал определенного вида и объема). Чем значительнее расхождение между «объективными шансами» при исходном наборе позиций и условий реализации этих шансов, и достигнутым (или сохраненным) результатом, тем выше вероятность признания участия в жизни актора трансцендентной сущности.

При отсутствии посредников — то есть социальных акторов, наделенных институциональным правом признавать трансцендентный капитал и наделять им участников социального мира, наличие трансцендентного капитала объективируется только в процессе непосредственного действия. Излишне было бы напоминать, что такой способ объективации чрезмерно рискован, поскольку актер никогда не знает заранее, благосклонны ли к нему трансцендентные силы. В таком случае отсутствие институциональных посредников заменяется институтом формализованной трансцендентной логики: актер конструирует обоснование своих действий, основываясь на символи-

ческих проявлениях трансцендентного капитала. В данном качестве могут выступать образцы и схемы удачных прежних действий или позитивный чужой опыт. Применяя к удачным и неудачным попыткам схемы практической логики, актор «постигает» логику трансцендентного участника, конструируя систему ценностей и потребностей идеальной сущности, взаимоувязывая «причины» и «следствия». Невозможность непосредственной коммуникации вынуждает социального актора ритуализировать свои действия, превращая ритуал и традицию в неоспариваемую и непостижимую объективацию трансцендентной логики, в то время как на деле они являются объективацией логики практической, структурирующей восприятие проявлений трансцендентного и подсказывающей единственно верный способ построения трансцендентных отношений.

Надо заметить, что сами практики (по вполне объективным причинам, предопределяющим их неопределенность) оказываются успешными далеко не всегда: ни желанного дождя, вызываемого шаманом, ни выигрыша в рулетку, когда на кон поставлено все, даже при полном соблюдении всех ритуалов, трансцендентная сущность может не предоставить. Несмотря на это, изъяны зачастую выискиваются лишь в ненадлежащем выполнении условий ритуала, логика же при этом остается вне подозрений.

Символическое конструирование трансцендентной логики значительно упрощается в случае, если потусторонний актор обладает социальной историей: существовал в мире людей, совершал поступки, интерпретировал их и, быть может, даже оставил цельную символическую систему в виде устного учения или текста.

Божественный мир и способы его согласования

Как уже говорилось, мир, соответствующий трансцендентному капиталу, социально оформляет практики совладания с критической неопределенностью человеческой экзистенции, необъяснимой и непредсказуемой. Как и любой другой из миров, он обладает рядом характеристик: элементарной формой отношения, форматом релевантной информации, структурой времени и пространства.

В качестве *элементарного отношения*, составляющего основу взаимодействия в области трансцендентного капитала, выступает моделирование — как в случае трансцендентной сущности, так и в случае социального субъекта, каждым своим действием моделирующих удаленным способом недоступную им реальность или символически — идеальную сущность.

Форматом релевантной информации в данном мире является «осуществляющий» — существенные, значащие события, придающие трансцендентному намерению форму реально существующего и позволяющие получить знание о распределении благодати, трансцендентного капитала: знамения, приметы, знаки и т.п.

Структура пространства представляется нам алокальной, пантеистичной и внесоциальной, поскольку божественный мир, в силу своей трансцендентности, принципиально находится «нигде» и «везде», оказывая произ-

вольное влияние на события социальной реальности. В то же время даже акторы и культовые места, связанные с миром трансцендентного, хотя и локализованы в пространстве, однако всеми практиками тщательно подчеркивается их «внесоциальность».

То же самое можно сказать и о *структуре времени*, которое здесь является как бы вынесенным за пределы социума и социальной жизни («мирской суеты»), но при этом сами существенные события трансцендентной природы воспринимаются в непосредственной данности, «здесь и сейчас». Иными словами, время в божественном мире «ахронично», и, находясь в данном режиме обоснования и оценивания, субъект как бы выходит (и выводит объекты) из их временной длительности, помещая в контекст бесконечного «здесь и сейчас» (или переживаемого в непосредственной данности «нигде и никогда»).

Примерами переживаемого состояния вовлеченности в божественный режим обоснования ценности являются различные «экзистенциальные ситуации»: религиозные моления, бдения у постели смертельно больного, военное сражение, критически важное публичное обсуждение критически важной квалификационной работы, финальный матч чемпионата мира, крупная игра в казино и т.п. — все те ситуации, когда актер отчаянно пытается мобилизовать весь свой трансцендентный капитал, ситуации, где неопределенность приобретает критические масштабы и критическое же значение. В таких ситуациях наиболее вероятно переопределение социокультурной перспективы субъекта — девальвация одних сфер жизни и капиталов и вовлечение в сферу ценного других.

Отметим, что у Л. Тевено и Л. Болтански трансцендентный капитал присутствует в «мире вдохновения», воплощаясь в понятии «благодати», для достижения которой актер вынужден обращаться к внешнему источнику, что делает этот вид ценности «абсолютно независимым от признания другими» (Болтански, Тевено 2000: 76). Такая исходная посылка вполне соответствует и нашему пониманию принципа трансцендентного капитала, полагая, во-первых, принципом обоснования трансцендентного ценность состояния «благодати» и, во-вторых, определяя в качестве участников этого мира внесоциального (идеальную сущность) и социального актора (человека). Однако затем Тевено и Болтански, на наш взгляд, необоснованно, смешивают этот потусторонний мир с культурным, в котором внешний источник вдохновения служит обоснованием креативности, воображения, художественной чувствительности, разговор о которых уже может вестись только при условии их социального оценивания и признания.

Наиболее «чистым» видом трансцендентного капитала, пожалуй, является карма. Однако, как и в случае с другими социально укорененными ресурсами, вовлеченными в различные социальные поля, реальные социальные практики, будучи «полилогичными», направленными на удовлетворение различных потребностей, совладание с различными видами неопределенности, осуществляющими конвертацию нескольких форм капитала, содержат в себе и разнородные логики. Таким образом, логика трансцендентного капитала нуждается в согласовании с другими логиками, что порождает со-

ответствующие согласующие институты, организации и практики. Рассмотрим некоторые из них.

Безусловно, наиболее значимым и масштабным институтом согласования божественного порядка с его мирскими аналогами и конвертации трансцендентного капитала в прочие формы является церковь.

Церковь и, шире, *религиозная организация* выступают в качестве агентства, преобразующего трансцендентный капитал в символический (способность производить авторитетные мнения, интерпретировать социальную и трансцендентную реальность, производить своими высказываниями перформативное воздействие). По сути, она является административным распределением трансцендентного капитала, используемого для личного спасения, в обмен на социально укорененные капиталы (символический, в первую очередь, а также экономический, социальный, политический, культурный и т.п.). Корпус посредников, религиозных интерпретаторов и администраторов получает трансцендентный капитал от идеальной сущности, истолковывая и распространяя ее волю.

По выражению П. Бурдье, «...религия способствует (скрытому) утверждению тех или иных принципов структурирования восприятия и понимания мира — в частности, социального, навязывая систему практик и представлений, чья структура, объективно основанная на принципе политического разделения, предстает как естественная-сверхъестественная структура космоса» (Бурдье 2007: 14). Этот социальный институт обладает наибольшей степенью включенности в социальные игры и сильнее всех заинтересован в контроле над социальной жизнью, однако с большой неохотой признает свою социальную укорененность, подчеркивая трансцендентность и индифферентность по отношению к обществу, власти и хозяйству.

Логично предположить, что присвоение права утверждения принципов восприятия возможно только благодаря символическому капиталу, которым группа, наделенная правом номинирования реальности и интерпретации божественной воли, наделяется агентами социального мира благодаря ее обладанию трансцендентным капиталом, который служит своего рода гарантом того, что данная группа действительно признана Богом в качестве проводников его воли. Получая право истолкования божественной логики, недоступной мирянам, группа получает и право административного распределения трансцендентного капитала. Укореняясь в социальном мире, институт церкви становится мощным ресурсом политического и административного влияния, символического производства и экономического обмена, поскольку и способы его накопления, и правила конвертации в него различных социально признанных форм капитала отныне определяются трансцендентными экспертами, способными манипулировать божественной логикой для удовлетворения «особой категории нужд, свойственной некоторым социальным группам» (Там же: 13). Здесь церковь ведет борьбу за монопольное право на «капитал институциональной или сакраментальной благодати», который «является предметом обмена с мирянами и инструментом власти над ними» (Там же: 40), то есть за право в админи-

стративном порядке распределять трансцендентный капитал, которым она обладает.

Однако на право институционального признания обладания таким капиталом претендуют и другие институциональные акторы — как религиозного толка (пророк и колдун), так и принципиально светского (гений и удачливый человек).

Пророк является прямым конкурентом религиозным институтам, стремясь завладеть правом на производство собственной систематической религиозной доктрины, выступая с альтернативой традиционным учениям. Трансцендентный капитал в его случае также конвертируется в символический, но также и в политический, по мере обретения последователей, выражителем интересов которых он является.

Колдун удовлетворяет практические запросы, создавая профанную экономику трансцендентных отношений*. Выступая в роли своеобразного «предпринимателя без образования юридического лица», он не создает организационного устройства для согласования логики трансцендентного с другими логиками, поскольку обычно основным мотивом его деятельности и капиталом, в который конвертируются его способности трансцендентной природы, является приобретение экономических благ.

Близок по своему устройству к колдуну и *шаман*, обладающий, однако, более выраженной ориентацией на вовлеченность в символические отношения и приобретение символического и, что особенно важно, культурного капитала. Его трансцендентный капитал позволяет справляться и ему, и племени с неопределенностью относительно «правильных» и успешных действий, истолкования логики происходящего и выработки стратегий действия.

Магия выступает, таким образом, как организация преобразования трансцендентного капитала, в первую очередь, в экономический капитал, но также и в социальный (колдун и маг может занимать в общине «социально ответственную» позицию, поддерживая отношения, порождающие и воспроизводящие добровольные взаимные обязательства) и символический (периодически совершая чудеса для подтверждения трансцендентной природы своего права на интерпретацию реальности). По сути же своей она является манипуляцией со стороны колдуна трансцендентным миром, посредством которой оказывается воздействие на реальный мир.

Гений — одно из «светских» проявлений трансцендентного капитала. Он представляет собой процесс и результат произвольного наделения субъекта

---

* «Пророк стремится реализовать свою претензию на легитимное осуществление религиозной власти... производя и проповедуя четкую систематизированную доктрину, способную дать жизни и миру единый смысл и, таким образом, предоставить средство осуществления систематической интеграции поведения вокруг этических, или практических, принципов... Такие общепризнанные характеристики пророка, как бескорыстие... или стремление осуществлять настоящую духовную власть, ... у колдуна находят строго противоположное выражение: следование материальному интересу и подчинение заказу (связанные с отказом от духовного господства)» (Бурдые 2007: 41).

трансцендентным капиталом со стороны идеальной сущности с возможностью последующей конвертации в культурный (а через него — во все остальные формы), что и позволяет «гению», например, наиболее точно и емко символически выразить доселе не выраженные чаяния, ценности, тревоги — в общем, культуру — определенной группы людей, или познать и открыть закономерности устройства какой-либо части объективной реальности.

Удача, будучи еще одним согласующим устройством «светской» природы, представляет собой конвертацию личного трансцендентного капитала в манипуляцию реальным миром. Частным случаем соответствующих практик, например, является *азартная игра*, открывающая при «улавливании» трансцендентной логики доступ к экономическому капиталу.

Медиум, напротив, служит инструментом обратной конвертации — в его случае обладаемые актором физиологические и психические способности (физиологический капитал), а также соответствующий культурный опыт позволяют предоставить свое тело трансцендентной сущности как объект для манипулирования. При этом могут удовлетворяться потребности как трансцендентной стороны, так и другого участника социального мира.

Заключение

Скорее всего, нам удалось описать только некоторые проявления божественного мира в согласовании с другими порядками обоснования ценности, раскрыть только некоторые устройства конвертации трансцендентного капитала в его мирские формы. Данная статья является только одной из первых попыток наметить путь, который, возможно, окажется перспективным для объяснения ряда вопросов и проблем современной социальной теории.

В данном направлении можно разрабатывать самые разнообразные темы — как микросоциального (например, социальное обоснование аффективных действий и иррационального поведения, дерационализация и мистификация повседневности), так и макросоциального характера (проблемы социальной дезинтеграции, телеологических кризисов и аномии в современных обществах, динамика социального влияния и распространения мировых религий).

Ключ к непреходящей социальной актуальности трансцендентного капитала, очевидно, следует искать в феноменах неконтролируемой и необъяснимой неопределенности, составляющих часть социальной перспективы любого социального актора, хотя объективные причины этой неопределенности могут серьезно варьироваться в зависимости от хозяйственных, культурных, природных и прочих факторов, конституирующих устройство конкретного общества и даже конкретную ситуацию — то есть контекст, говорим ли мы о крестьянских общинах или комментируем поведение игрока в «рулетку».

Как показывают исследования К. Кнорр-Цетины в области «объектной социальности», из естественной неопределенности человеческих отношений можно уйти в строго определенную привязанность к объектному миру (объектное стало достаточно сложным и, на наш взгляд, уже не представляет собой рациональное и определенное, а является скорее иррациональным

и неопределенным, однако более рационализируемым и манипулируемым, по сравнению с человеческими отношениями). Однако существует и еще один выход из социального — в еще более неопределенную связь с трансцендентным.

Вместе с тем, несмотря на «внесоциальность» трансцендентного в общественной жизни, его значимость и влияние трудно переоценить. Через божественный порядок легитимируются социальные нормы, обосновываются социальные действия, рационализируются социальные практики, утверждаются ценности. Так как сама идеальная сущность является объектом активного символического конструирования со стороны социального мира, наделяется определенной логикой, ценностями, стремлениями и принципами действия, она, соответственно, становится и объектом активного практического манипулирования, в процессе которого предпринимаются попытки снижения неопределенности при помощи вполне социальных и рационализованных практик (Бурдьё 2001б: 186; Ницше 2008). Таким образом, на наш взгляд, данная концепция обещает интересные теоретические и эмпирические перспективы в исследовании самых разнообразных социальных фактов.

Литература

- Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 66–83.
- Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. М.; СПб., 2001а. С. 49–95.
- Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: «Алетейя», 2001б.
- Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
- Бурдьё П. Генезис и структура поля религии // Социальное пространство: поля и практики. СПб.: «Алетейя», 2007. С. 7–75.
- Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 101–124.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2008. С. 11–294.
- Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–17.
- Dequech D. Uncertainty and Economic Sociology: A Preliminary Discussion // American Journal of Economics and Sociology. 2003. July 2003. Vol. 62. No. 3. July. Pp. 509–532.